

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИМ

ДВЕ ЖИЗНИ
КОМЭСКА СЕМЕНОВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Две жизни комэска Семенова / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-115382-3

Эскадрон «Беспощадный», продираясь сквозь кровь и смерть Гражданской войны, ведет жестокую борьбу с контрреволюцией. В открытых сражениях с белой гвардией, в борьбе с изменившими революционной идее красными, с мародерами и другими врагами всех мастей проходит жизнь командира эскадрона Семенова, считающего, что правда для всех одна и справедливость должна быть понятна всем. Он не делает различий между своими и чужими, приказывая расстрелять брата, попавшегося на краже мешка муки, а его комиссар зарубил в бою собственного отца. Все это свершается ради революционных идеалов и Светлого Будущего, которое когда-то воцарится на земле... Но волею случая и благодаря достижениям науки повешенный врагами Семенов переносится в наши дни и окунается в то самое Светлое Будущее, за которое сражался. Но понравится ли оно ему? И сохранит ли он свои принципы и убеждения?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115382-3

© Корецкий Д.А.
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая

**ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ
КОМЭСКА СЕМЕНОВА**

Глава 1

ЭСКАДРОН «БЕСПОЩАДНЫЙ»

Июнь 1919 года

День был хороший: тепло, но не жарко, желтое солнце холодновато просвечивало сквозь облака, как золотая десятка — символ свергнутого царского режима. Дул легкий, наполненный духом разнотравья, степной ветерок, всполошенные выстрелами вороны поднялись из недалекой лесополосы и с тревожными криками, отчаянно хлопая крыльями, кружили в небе. Осторожная птица, недаром, по слухам, триста лет живет! А все потому, что подальше от людей держится, особенно если у них в руках ружье или даже палка... В последнее время развелось этих черных падальщиков немерено — наверное потому, что корма стало в избытке. Вот и сейчас, предвкушая поживу, не улетают прочь, кружат над полем, рассматривая глазами-бусинками то, что происходит внизу. А там идет лютый и жестокий бой — красный эскадрон «Беспощадный» схватился с конниками генерала Шкуро.

Сшибаются шашки, летят искры, пахнет лошадиным потом, порохом, кровью, страхом, смертью. Командир эскадрона Семенов, как всегда, мчался впереди и, срывая горло, орал «Ура-а-а-а!» Не потому, что хотел,

или так положено — оно само рвалось из глубины организма, из самого нутра, то ли для того, чтобы испугать противника, то ли — чтобы почувствовать свою силу и утихомирить поднимающийся в душе страх. Сзади и впереди трещали выстрелы, над головой, справа и слева свистели пули своих и врагов, он инстинктивно втягивал голову в плечи, понимая, что это не поможет и можно надеяться только на судьбу.

Когда две конные лавы сблизились, он навел прыгающую мушку на скачущего навстречу краснолицего штаб-ротмистра, пальнул наудачу — раз, другой, третий... Удача оказалась на его стороне: несмотря на равный ритм скачки двух коней, она соединила прямой линией ствол маузера с грудью штаб-ротмистра — после третьего выстрела тот послушно опрокинулся на спину, слетел с седла, зацепившись ногой за стремя, и понесся дальше, спиной вспахивая, словно плуг, мягкую, уставшую от крови и истосковавшуюся по семенам землю. Семенов перевел огонь на ординарца, прикрывающего командира с наиболее уязвимой левой стороны, куда трудно доставать шашкой. Рядового удалось свалить четвертым выстрелом, тот упал правильно, если считать правильным то, что он ни за что не зацепился, был перемолот подкованными копытами и, расплющенный, остался позади, нарушив строй и вызвав сумятицу среди соратников, лошади которых ржали, поднимались на дыбы, шарахались в стороны и падали, что давало преимущество налетающему противнику.

Семенов сунул маузер в деревянную кобуру с табличкой «Товарищу Семенову за храбрость и беспощадность к контрреволюции от Реввоенсовета»: стрелять во время рубки не приходится — круговерть рукопашной перемешивает всех так, что можно перебить своих. По-

этому надежда только на верный клинок. Комэск привстал на стременах и крикнул во весь голос:

— Ша-а-а-ашки во-о-он! — с лязгом выдергивая свою из ножен.

И началось! Конный бой это не фехтование с кружевными узорами, вышиваемыми изящными клинками шпаг или тонкими иглами рапир, с обманными финтами, обводами и ложными выпадами; и даже не пешая сабельная дуэль с каскадом крестообразных ударов, которыми обмениваются поднаторевшие в таких делах польские паны — их сабли приспособлены для этого дела, так как имеют перекрестье. У казачьих шашек — что донских, что кубанских, что терских, — гарды нет. Это дает возможность свободно крутить их вокруг кисти и перебрасывать из руки в руку, но делает фехтование невозможным: скользнет клинок по клинку — и посыпались пальцы...

Нет, кавалерийский бой — не каскад отточенных хитрых приемов, перенятых от итальянских бретеров и французских дуэлянтов, это грубая, прямолинейная и стремительная рубка! Налетел, рубанул, понесся дальше, налетел, рубанул, увернулся от бокового удара, противник вылетел навстречу и рубанул тебя... Успел закрыться — со звоном сшиблись клинки, поскакал дальше, рубанул следующего; не успел — упал с разрубленной головой или отсеченной рукой... Кто-то налетел сзади, если некому прикрыть — на этом твой бой закончился, если товарищ подмогнул — продолжаешь жить и отнимать жизни у врагов...

Комэск мчится вперед, за ним ординарец и трое бойцов из личной охраны прикрывают спину. Кругом крики, ржанье, лязг стали, редкие выстрелы. Боевой клин разрезает ряды противника. Навстречу, с перекошенным яростью и страхом лицом, несется молодой

корнет, он наметил целью Семенова, и уже заноса зловеще отблескивающий клинок, приподнимается на стременах, а комэск не успевает поднять свой! Только и осталось, что вытянуть руку вперед — корнет сам налетел на острие и был проткнут насквозь. Семенов с трудом успел выдернуть шашку: еще миг и он бы остался безоружным. Некстати вспомнилось, что при колющих ударах восемь человек из десяти погибают, а при рубленых — восемь из десяти выздоравливают...

Семенов несется сквозь вражеские ряды, картина боя, как калейдоскоп: деталей не рассмотреть, только общие планы. Он отрубил руку одному беляку, разрубил плечо другому. Сам словно заговоренный: как всегда пули и клинки не причиняют ему вреда. Размахивая окровавленной шашкой, он мечется по полю боя и оказывается там, где намечается перевес белых: его появление укрепляет дух своих и внушает страх врагам.

Постепенно наметился перевес красных, но они не ослабляли натиска и враг дрогнул, побежал. Комэск догнал и зарубил еще одного, осмотрелся, оценивая обстановку. На плечах отступающего противника эскадрон ворвался в село.

За сельским овином семеновские конники, не пригибаясь и не торопясь, с некоторым бахвальством добивали убегающих белых, и Семенов сходу, спружинив на стременах, кинул коня вправо — туда, где был сейчас нужнее. Взметнулись из-под копыт комья утрамбованной земли, Чалый легко, в охотку, перемахнул через плетень и пошёл чеканным галопом в сторону крепенького бревенчатого дома, из окон которого отчаянно отстреливались наиболее упорные беляки. Услышал по поредевшему перестуку за спиной: не все за ним последовали, не все метнулись под белогвардейские винтовки. Часть конников задержалась у овина — там, где без-

опасно. Когда удалось разминуться со смертью, хочется передохнуть, отдышаться... Это понятно, но бой ведь еще не окончен!

«Надо будет, — подумал, — вычислить хитрожопых. Отрутать перед строем, а то и наказать в воспитательных целях... Я же никогда не перевозжу дух...»

Это верно. Останься он даже один, комэск Семенов и не подумал бы придержать, пустить Чалого в обход стреляющего дома. Он знал — кожей чувствовал и нутром: пока не покидает его боевой кураж, пока ныряет в самое пекло — смерти он не по зубам. Удача с ним и служит беспрекословно, как мать его когда-то служила старому барину.

Он пригнулся к холке Чалого, вдыхая окатившую его волну тёплого конского пота — пьянящий запах, навсегда отныне связанный с горячкой боя. Несколько пуль просвистело совсем близко, за спиной рухнул и захрипел подстреленный конь, послышались крики придавленного красноармейца. Забор перед домом стогрел задолго до боя, торчали чёрные головешки вместо столбов: гражданская накатывала на Сосновку не в первый раз.

Семенов подлетел к дальнему углу. Его заметили — худошавый рядовой, по пояс высунувшись из окна, навел винтовку... Осадив Чалого, комэск спрыгнул, скользнул за пузатую дубовую бочку, чтобы опередить выстрел... Он чувствовал, что не успевает, но беляк вдруг надсадно крикнул и, уронив винтовку, повис на подоконнике. Будто соревнуясь с командиром в бесшабашности, застреливший белогвардейца всадник влетел прямоком на крыльцо и, оглушительно гикнув, выпрыгнул из седла. Молодой конь неловко топтался передними копытами по мешкам с землей — бруствером брошенной огневой позиции.

«Никитченко», — узнал спешившегося бойца Семенов. — «Мирон, кажется. Хороший боец. Растёт на глазах...»

— Сочтёмся! — крикнул ему Семенов.

Никитченко уже палил в распахнутую дверь. Конь его, не понимая, что делать дальше, ржал и храпел, но от крыльца не отходил. Комэск стащил вниз труп белогвардейца, вынул маузер из кобуры и, подтянувшись на руках, влез в окно. Как и надеялся, на пулю не нарвался. Впрочем, кроме надежды, имелся у него и простой расчёт: если бы в комнате был ещё кто-то, он бы сменил убитого стрелка. Кровать с резными спинками. Два сундука один на другом. Хозяйство — с первого взгляда понятно, зажиточное, кулацкое. По-над стенкой в два шага добрался до открытой двери, осторожно выглянул в соседнюю комнату.

У приставленного к окну стола рядовой в полевом кителе, сгорбившись, возился с «Максимом». Крышка откинута, он нервно дергает заправленную брезентовую ленту с блестящими остроконечными патронами.

— Неужто заклинило? — хмыкнул Семенов, радуясь, что вовремя успел: «Максим» с полной лентой мог здорово проредить эскадрон!

Пулеметчик вскинул голову — понимая уже, что не успеет схватить лежащую рядом винтовку и бледнея последней, предсмертной белизной. Он все-таки попытался, но пуля из маузера опрокинула его на чисто выскобленный деревянный пол.

За стенкой стрелял Никитченко. Семенов вышел в коридор.

— Как у тебя?

— Всё путём, Иван Мокич! — оскалился в улыбке Мирон, загоня новую обойму. Два вражеских трупа подтверждали его слова. В дом уже врывались красноармейцы, гремели сапоги по крепким доскам.

— Взводного окружили! — донеслось снаружи. — Окружили первого взводного на околице!

По интонациям кричавшего, легко улавливаемым ухом любого, кто успел повоевать, Семенов понял: весть передаваясь от одного к другому, прилетела издалека. И если окружение серьёзное, комвзвода один, его родного брата Сидора Мокича может уже не быть в живых. Сердце ёкнуло, впервые за долгое время. Кровь-то родная и впрямь не водица. Испугался за брата.

«Неужели тут, в никому не известной Сосновке, суждено потерять Сидора?!»

— Двоим остаться в доме, наладить пулемет, остальные по коням! За мной! — сломя голову Семенов выскочил во двор. Чалый, как и положено матёрому боевому коню, дожидался хозяина там, где его оставили.

«Моя вина, — думал Семенов, пуская Чалого в галоп по сельской улице туда, где еще гремели выстрелы. — В хате бы и один Мирон справился, а мне надо было одним кулаком добивать белую сволочь! А то наши развалились, а те, видно, переформировались и ударили в ответ...»

Они вылетели за околицу. Правый фланг и впрямь «отвалился»: с полверсты между основными силами и напоровшимся на засаду первым взводом. Белые перешли в контратаку, зажали первый взвод у перелеска в кольцо, те с трудом отмахивались... Плохо дело!

«Численность приличная, с два десятка», — оценил комэск и оглянулся: с ним семеро и ещё двое скачут от овина. Маловато. Выхватил шашку, помахал над головой, давая сигнал к атаке. Ничего, ребята увидят — бросятся на помощь!

Кони по пахоте скакали тяжело, пришлось пришпорить Чалого.

— Давай, ещё немного!

Чалый от напряжения всхрипнул, но прибавил ходу.

Белые заметили приближающихся всадников, некоторые развернулись, принялись отстреливаться. Винтовочные пули прошли воздух где-то совсем рядом. Но Семенов уже врезался в противника, разрывая смертельное кольцо. Мелькнули позолоченные с синей полосой погоны. Поручик целился из никелированного пистолета. «Браунинг» — привычно определил мозг, хотя это не имело значения. Имело значение то, что шашка отрубила руку до выстрела, и пистолет отлетел в сторону, а поручик с криком упал на землю. Сидор со своим ординарцем с трудом отбивался от врагов — подмога подоспела вовремя! Семенов направил Чалого между двумя белогвардейцами, наседавшими на брата, махнул шашкой вправо, махнул влево. Готовы оба! Но один успел выстрелить, и Сидор упал на холку коня. Конники «Беспощадного» даром что в меньшинстве, яростно рубили с плеча, высоко занося клинки. Белые дрогнули и обратились в бегство, Семенов со своими бойцами помчался следом, добивая отстающих, первый взвод, вырвавшись из кольца, помчался наперерез. Вскоре все было кончено. «Беспощадные» собрались к последнему очагу затухающего боя. Семенов поскакал назад. Комвзвода-один среди всадников не было, кто-то показал на перелесок — и комэск поскакал туда. Сидор, по пояс голый и окровавленный, сидел на земле, прислонившись к дереву. Ординарец перевязывал ему простреленное плечо.

— Живой, что ль, братуха? — окликнул Иван.

— Да живой, — услышал в ответ сдавленный голос брата. — Раненый немного...

— Ну, раненый — не дохлый! — и Семенов развернул коня.

* * *

Еще не успели остыть стволы винтовок, как уже подвели итоги.

— наших убито семеро, — доложил комиссар. — У них — человек двадцать пять... Посчитают — точно скажу...

— Значит, учимся воевать понемногу, — довольно кивнул комэск. Владевшее им напряжение постепенно отпускало. Стоя на крыльце дома, в котором назначил себе постой — того самого, что брал штурмом, — Семенов выслушивал доклады подчиненных. В плен взяли шестнадцать человек рядового состава, из них десять раненых разной тяжести, одного поручика и медика. Медик тоже был ранен — рубануло плечо не до кости.

— Какой охламон врача повредил?! — ворчал комэск, — Сколько раз говорено — медицину не трогать!

— Да кто ж её разберёт, тую вашу медицину, — отозвался вдруг стоявший у сгоревшего забора кряжистый, немолодой красноармеец.

— Эх ты, тьма египетская! — комэск хлопнул себя по ноге так, что шашка дёрнулась и стукнула по балясине перил. — Недавно, что ли, в эскадроне?

— С Алексеевки мы.

Алексеевку брали на прошлой неделе, рекрутировали оттуда в «Беспощадный» только добровольцев, большой нужды в пополнении не было. Семенов смутно припоминал седоволосого новобранца — семья его, вроде бы, вся от тифа померла, жена и трое душ детей.

— Синий погон, красный кант, — сказал комэск. — Увидишь такого — старайся брать живьем, не порть шкурку. Запомнил, нет?

— Запомнил.